

Руслан Кардашов

КРАСНАЯ ОБЩИНА 98

Стрела

Руслан Кардашов

Красная Община 98. Стрела

«Издательские решения»

Кардашов Р. В.

Красная Община 98. Стрела / Р. В. Кардашов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905475-3

Самый надежный партнер — это бывший полковник милиции. Так думал начинающий директор строительного кооператива Борис Ситников, когда подписывал договор о создании кооператива и заявление о том, что он является исполняющим директором в нем. Зачем директору кооператив для постройки одинаковых коттеджей? Да затем, чтобы втроем разбогатеть и проверить лекарство местной психбольницы. Но самое удивительное, что постройка домов была началом отмывания денег клиентов из Севера в долевого стройке И.П.

ISBN 978-5-44-905475-3

© Кардашов Р. В.
© Издательские решения

Содержание

Вступление: Красные «крыши»	6
Глава 1. Представительница уважаемой семьи	11
Глава 2. Бедный и безработный	14
Глава 3. Работа	17
Глава 4. Отвратительная работа	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Красная Община 98 Стрела

Руслан Витальевич Кардашов

© Руслан Витальевич Кардашов, 2018

ISBN 978-5-4490-5475-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление: Красные «крыши»

Криминальные «крыши» – это понятие российское и появилось при коммунизме. За границей есть фирмы, которые легализуют действия преступных сообществ, которые отмывают грязные деньги, но там все держится в строгой тайне. В России предприниматели хвастаются своими покровителями и прекрасно знают, кто кому платит и какой процент от бизнеса своего коммерческого. Законы в стране противоречивы, их можно использовать против честных предпринимателей. Как только предприниматели начинают зарабатывать неплохие деньги, они начинают поиск «крыш».

Если весомая личность защитит предпринимателя от власти, бандита и конкурента, такая личность станет весомым аргументом в переговорах, установит нужные связи, передаст взятки, заступится и заберет доход предпринимателя.

Подпольный метод «плати милиционеру» зародился очень далеко во времени прошлом.

В начале 90-х годов криминальный сюжет всегда был с применением рэкетиоров, которые похищали клиентов с целью выкупа и подписания договоров, делали поджоги палаток, ставили разогретый утюг на клиента, отрезали пальцы для дани денежной от предпринимательского бизнеса.

Говоря юридическим словом, рэкет – это система вымогательства регулярных денежных платежей у мелких предпринимателей и торговцев под угрозой избиения и убийств, а также погромов предприятий. Лысые головы, накачанные мускулами мужики и спортивные костюмы под названием «Адидас» из турецкого материала и турецкого производства быстро стали атрибутом российских улиц. По официальной статистике правоохранительных органов, в те годы почти 90 процентов всех новоявленных коммерсантов постоянно платили дань братве.

Традиционный рэкет уже сейчас в прошлом. «Крыша» бандитская плохо совместима с развитием производства в нашей стране. Коммерсанты, как только все поняли, стали создавать собственные службы безопасности, во главе которых стали бывшие работники МВД и КГБ.

С 1993 по 1998 год количество частных охранных предприятий увеличилось в четыре раза, а служб безопасности – в два раза.

Сейчас «крыши» можно разделить на два основных вида: бандитские – это синие, и красные – это государственные. Красные «крыши» бывают чиновничьими, ментовскими, чоповскими и чекистскими. Все они переплетены, в их состав могут входить представители разных дружественных структур, а простирается их влияние – не в пример бандитскому, оно очень высоко! Даже лоббирование нужных законов депутатами Госдумы.

Все знают, что крупный бизнес пользуется услугами именно «красных крыш». На откуп бандитским крышам или, как их называют, «синим крышам», сейчас отдаются мелкие лоточки, некоторое количество средних предпринимателей и представители нелегального бизнеса, например, производители и продавцы паленой водки и пиратских дисков, продавцы краденых машин.

Сейчас выплаты регулярные происходят и закрепились на фиксированной сумме или доле от оборота – дохода. И эта доля может колебаться от 10 до 60 процентов. Плата за «крышу», по оценкам специалистов, значительно превышает сейчас стоимость всех товаров и услуг до 30 процентов. Но всерьез понятие слова «крыша» – это попытка криминального мира закрепиться в легальной экономике.

В наше время строят современную «крышу» определенным образом. Любой желающий открыть торговую точку вынужден пройти ряд бюрократических инстанций, созданных для благой цели – защиты потребителей от некачественных товаров и недобросовестных торговцев. Все начинается с регистрации фирмы или частного предприятия. Как только ларечник

приходит подавать документы, ему требуется решить проблемы с разрешением и регистрацией своей фирмы, а это службы: пожарные, санэпиднадзор, архитектурный комитет, земельный комитет. Но это не говорит о государственном налоге, который называется государственная подать. Но существует еще «откат», без которого не обходится практически никто, сумма его зависит от дохода, который фирма получит от производства или продажи, предпринимательской деятельности и торговли.

С другой стороны, можно прикинуться дураком и не понимать чиновничьи намеки. Тогда разрешение на печати и визы разные на документы могут задержать на определенный срок в порядке очереди, не очень длительный.

Ну вот, вы открыли палатку, а вас навелили доблестный представитель патрульно-постовой службы и участковый. Но в некоторых случаях их может заменить оперативник отдела по борьбе с экономическими преступлениями. А появляются все они с благими намерениями: проверить документы своего подопечного, накладные на товар, паспортные данные.

К особенным владельцам мелкого бизнеса применяют понятный метод: нанимают представители милиции местных бомжей, которые громят палатку на рынке или поджигают ларек, павильон или обычно милиция начинает писать протоколы разные на владельца, который начинает сам бегать и выбирать услуги серьезной «крыши».

Как выбрать, кому платить в городе

Во многих национальных диаспорах все вопросы решаются через родственников, друзей.

Торговец идет к куратору своему или старшему, который ему выделяет свое место. За такие услуги торговец тоже платит, часто занимает требуемую сумму под процент. Когда возникает неожиданная проблема, торговец идет снова к старшему, и там он старается все уладить через уже прикормленный канал взятки представителям правоохранительных органов, депутатам, чиновникам. Все эти спасители получают постоянную мзду за услуги от диаспоры. Палатки могут открываться и на деньги воровского общака. Отношения такие же, как выше-приведенный пример, и без милицейской «крыши» не обойтись.

Стоит обратить внимание на то, что местная исполнительная власть, получив свое во время регистрации предприятия, в следующем этапе – создании «крыши» – обычно не участвует: пока ей нет никакого резона закрывать место сбора дохода от торговца.

Раньше за несколько лет из одних рук в другие переходили целые улицы, меняя цвета своих покровителей с синего на красный.

Большой кусок от дохода в бизнесе имеется у ЧОПов, которые по сути являются разновидностью «красных крыш». ЧОП заключает договор на официальную охрану фирмы, речь идет о более развитом бизнесе. Пример: будет сидеть у торговца в магазине представитель охранного предприятия, который будет охранять бизнес и магазин, по первому сигналу тревоги он будет выполнять защиту бизнеса, но все расходы предприниматель берет на себя. Во всех почти ЧОПах работают бывшие сотрудники правоохранительных органов.

Есть охранные предприятия, которые в начале создаются для защиты предпринимателей. Они состоят из ветеранов ФСБ и СВР и других серьезных организаций.

От таких работников можно ожидать самых серьезных неприятностей для обидчиков предпринимателя.

Недавно в стране была серьезная «крыша» или защита бизнеса у предпринимателей – это рубоповская. Опера этих подразделений пробивали заслоны неких защитников во время проводимых операций, потом заглушали или возбуждали уголовные дела и сразу забирали освободившихся коммерсантов под свою охрану. Иногда РУБОП действовал совместно с налоговой полицией, отделом по борьбе с экономической преступностью.

При применении силы и возбуждении дел цена вопроса сильно повышалась. А если взять другие подразделения, то, по словам некоторых осведомителей, наиболее серьезной защитой

является ФСО – Федеральная служба охраны. Но чтобы ее получить в качестве защиты, нужны серьезные рекомендации, и сам уровень бизнесмена должен соответствовать его запросам.

В 1990—93 гг. крупный бизнес окончательно выходит под «крыши». Появление «красных крыш» и вытеснение ими «синих». Создание и использование в качестве прикрытия различных ассоциаций и фондов для поддержки ветеранов силовых структур.

В 1997—99 гг. – полное вытеснение монополии «синих крыш» из крупного бизнеса. Большинство предпринимателей начинает пользоваться услугами обоих типов «крыш».

В 2000—02 гг. организации обзаводятся одновременно несколькими «красными крышами». Самые распространенные называются таможня и ФСБ, налоговая полиция и милиция.

Материал статьи взят с сайта «Криминальный мир».

Понятие коррупции в России с 2002 по 2020 год

Коррупция – термин, обозначающий обычно использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав, а также связанного с этим авторитета, возможностей.

Коррупция ставит под угрозу существование правового государства, становится основным препятствием для повышения уровня жизни населения, развития экономики, становления гражданского общества, борьбы с организованной преступностью. Появление в России коррупции – это один из основных барьеров на пути привлечения иностранных инвестиций и современных технологий в промышленность отечественную. Она отрицательно влияет на экономику страны со стороны Европы и тормозит инвестиции в страну.

Основные источники борьбы с коррупцией – это указы президента РФ, концепция национальной безопасности РФ и конвенция ООН.

Иностранное понятие коррупции – злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях. Продажа мест во власти, продажа мест для депутатов в партиях и есть такое понятие.

Отмывание денег с постройки домов и есть коррупция, которая легализована: грязные деньги превращаются в чистые, обходя ведомства силовые. В стране в 2015 году утекло 40 миллиардов рублей, не облагаемых налогом. Можно было эти деньги потратить на самое необходимое для гражданского населения. Например, заселить Дальний Восток семьями и помочь им открыть малый бизнес, тем самым поднять население из пьянства на освоение новых просторов необъятной Родины.

А теперь 2017 год наступил, первое января, которое я провел дома с двумя детьми.

Недавно я прочитал на сайте, что министерство юстиции с депутатами и представителями банков хочет ввести закон о должниках банков и кредитах, которые они берут в банках.

Недавно вышел указ о защите информации и безопасности государства, а также закон о борьбе с терроризмом в России. Мне интересно, почему его не принимали тогда, когда была война на Кавказе. Следует тогда узнать, почему много в городе мелких фирм, которые дают займы населению под сто процентов годовых до двадцати тысяч рублей. Мне интересно стало узнать, что ждет наших детей, когда представители судебных приставов могут влиять на кредитора через его руководство фирмы, кредиторы могут повлиять на должника разными методами, но из-за принятия законов по защите должников от вымогателей из фирм коллекторов будет закон про кредиты и нотариусов, который будет представлять такой смысл. Если гражданин возьмет кредит, то он обязательно должен заложить недвижимость через нотариуса, и в случае невыполнения погашения кредита в установленный срок гражданин должен продать недвижимость, если лишился работы и долго не может ее найти, в то время как проценты по возврату ежемесячной суммы кредита больше стали на данный месяц. Так банки смогут решить проблему долгого ожидания от кредитора невозвращенных денег и процентов ежемесячных. Тогда получается, что банки через закон будут отмывать грязные деньги, и их

трудно будет отследить, население будет жить среди торсионных полей от антенн на зданиях торговых и административных, много будет население выпивать алкоголя в виде пива, которое по своему составу тормозит работу центральной нервной системы, и самая дешевая сотовая компания будет людей травмировать раздраженной частотой и их сознание контролировать через травмированный мозжечок.

А что вы знаете о коррупции в дорожной отрасли, спрошу у вас, дорогие читатели.

В ответ я услышу от водителей такси, грузовиков, которые возят груз больше 25—45 тонн, что дороги просто трудно построить отличные, везде ямы после весны встречаются, а летом к осени после первых морозов весь ямочный ремонт, который проводит местная дорожная служба, может выкрошиться из выдутых и пролитых дорожным битумом ямок и трещин. А небольшие участки проезжей части улицы могут быть отфрезерованы фрезами как метровой, так и двухметровой по ширине захватки фрезой дорожной одежды или дороги с асфальтом. Какой асфальт укладывают на проезжую часть, знают только проверяющие местного автодорожного управления по надзору за выполнением предписаний и соблюдением строгих норм и правил согласно установленному документу, например СНиП, а документ на ремонт бесплатный дорожная фирма предоставляет надзору местных городских улиц с оказанием последующего ремонта в течение трех лет службы отремонтированной конструкции, а с 2010 года – сроком приблизительно пять лет. За год отремонтированный участок улицы можно еще несколько раз залатать или отремонтировать, был бы дешевый асфальт. Например, состав минерального порошка в асфальте и марку дорожного битума можно заменить на более дешевые, а порошок можно насыпать по оптимальной пропорции, все равно никто не узнает. Вначале можно директору с главным инженером посмотреть на участки улиц и выбрать степень риска к затратам и доходу согласно смете на выполнение объемов работ в определенных районах города, там, где проверяющие не такие требовательные к тщательному ремонту. Тогда можно руководству с начальником участка расслабиться и заработать первые сотни тысяч рублей деревянных из суммы, которую заранее заложили в смету, – расходов на взятку или, как это сейчас называется, «откат».

Вы спросите меня, я ничего не знаю или преувеличиваю, а кто-то скажет за спиной, что в стране плохие дороги и много дураков!

Поверьте мне на слово, что это не так, в нашей стране хорошие дороги, и отличный можно сделать ремонт как улицы городской, так и часть федерального участка построить, к примеру – строительство развязки. Но воровство и лень на работе заставляют часто думать: правда ли, что много дураков и разбитых улиц со дворами, где глубина ям с водой во время дождя достигает 20 см, а бордюры можно ставить как лежа, так и стоя, лишь бы сточные воды на улице отводились в ливневые ямы с решетками, которые раньше снимали на продажу как лом черных металлов?

Мне стыдно за себя говорить, что я не стал начальником участка в строительной фирме. Все они – фирмы с юридическими документами и обязанностями ООО, АО и ЗАО. Прорабом тоже судьба меня обошла из-за разных интересов в работе, которые я проявлял в фирмах, а к моей личности нельзя было относиться без интереса со стороны прораба и главного инженера на тех фирмах, на которых я больше двух лет продолжал работать. Много разговаривать не стоит с рабочими, сколько нужно экономить щебня и асфальта. Все становится известным спустя некоторое малое время. Поэтому в коррупции нет бандитов, только правовые юристы с одних факультетов. В дорожном бизнесе есть только чиновники «крыши». Если объект берет серьезная фирма с серьезной дорожной техникой и с удобными расценками на свою выполняемую работу, то все серьезно и все практично, брак на работы всегда можно восстановить, если у фирмы есть еще работа в городе на новых объектах, получается, строительная бригада служит инструментом, мастер – пастухом, а над мастером прораб – материально ответственное звено в фирме, которое слушает команды начальника участка и руководит мастером с опытной

или полутрезвой бригадой с опытом в дорожном строительстве и ремонте дворов и улиц. Так больше можно скрыть затраты на работу и материал, который имеет свою цену, от проверяющих сотрудников службы контроля или надзора по проверке выполнения договора на строительные работы, к которым относится вид скрытых работ, или зависить площадь фрезерования нижнего слоя асфальтового покрытия перед тем, как его можно будет переложить заново новым покрытием сроком от разрушения на трещины и выбоины до пяти лет.

Один из многих поселков нашей страны

Так что, дорогие читатели моей книги, я вас уверяю, что строительство и ремонт дорог в России будет всегда прибыльным и удобным, потому что есть Федеральный дорожный фонд, куда идут перечисления с «транспортного налога» на машины граждан и налога с продажи бензина на колонках для водителей, а также есть Местный дорожный фонд, в который идут налоги от граждан-водителей из города и области. Ну, я не юрист и не депутат, чтобы серьезно написать правду, откуда куда идет, но смысл я написал понятным всем в этой краткой и поучительной книге. Прошу с интересом все прочитать и сделать свой индивидуальный взгляд на мою мысль.

Мы

Глава 1. Представительница уважаемой семьи

– Вячеслав Николаевич!..

И что за непонятный человек живет в таком доме красном! На бандита он не похож, и редко приезжают дорогие машины вечером. Я хотел придать своему голосу оттенок торжественности:

– Вячеслав Николаевич! Я и ваша дочь – мы любим друг друга и хотим создать семью. Прошу руки вашей дочери. Вот и все, коротко и красиво, мне приятно будет быть вашим зятем.

Отец Тани, пятидесятилетний полковник милиции, словно вывалился из какого-то старого сценария фильма. Он ходил по комнате в длинном ярком желтом халате, шаркал тапочками по скрипучим половым доскам пола второго этажа и курил часто сигарету. Он долго молчал. Не думаю, что моя просьба застала его врасплох. Я достаточно часто бывал в его доме, и старик не мог предположить, к чему это в конце концов приведет.

– Для вас, молодой человек, знакомство с Таней – это важное событие в вашей судьбе, – выразительным тоном он мне сказал. – Вам выпал шанс обратить на себя внимание не только моей дочери, но и известных вокруг моих знакомых этого поселка и города.

Кажется, папаша стал хвалить ее и свои связи по работе. Естественно, все родители переоценивают своих детей.

– Ведь вам даже в голову прийти не могло, – продолжал он, – что мой дед работал в сером доме и был уважаемым офицером, а мой отец, если ты хочешь знать, был другом мэра города Ковалева В. А. и сам ему помогал в предвыборной кампании.

Я же все больше расслаблялся на диване, смотрел на старика преданными глазами и с трудом сдерживался, чтобы не зевнуть. Притомил он меня своей рекламой семьи. Таня сидела на стуле в противоположном углу комнаты, сложила руки на коленях и внимательно слушала с большими глазами выразительными наш разговор. Но я никак не мог состроить на лице умное выражение. Папаша моей возлюбленной оказался редкостным занудой.

Он подошел к столу и принялся давить окурков в пепельнице, которая была похожа на консервную банку коричневого цвета, на которой была надпись «Бычки», и сама она вся была из керамики.

– А потому, – наконец он завершил рекламную паузу, – знакомство с Таней и тем более женитьба на ней тебя ко многому обязывает... Но задам вам вопрос: чем вы думаете зарабатывать на жизнь, молодой человек?

Если я не проявлю настойчивость, то Тане придется долго сидеть в девках, подумал я. Но я его поставлю на место, чтобы он не думал про меня, что я нищий.

– На сегодняшний день, если вы хотите узнать про меня, я выставлю палатку утром и собираю вечером на центральном рынке, помогаю вещи раскладывать владелице палатки, думаю про открытие собственного места на рынке, чтобы торговать вещами и пойти учиться на юридический факультет в тот вуз, где возможно получить дешевле образование.

Папаша повернулся ко мне, надвинул на нос очки своей рукой правой и принялся меня рассматривать с подозрительным интересом.

– Очень хорошо... – произнес он с иронией и задал мне вопрос:

– Извини, не расслышал: на каком рынке работаете?

– На центральном... – ответил я волнуясь и немного улыбнулся в ответ.

Наверно, лучше бы рассказал он, как построил этот дом. Я бы удивился, если бы он сказал, что на сбережения после распада Советского Союза и свою зарплату.

– Скажи тогда мне, пожалуйста, а тебе нравится так работать? Может, после этой работы ты найдешь работу приличнее, чтобы было не стыдно работать? – ответил отец моей будущей невесты.

– Я после училища не могу устроиться на работу. Я монтажник радиоаппаратуры. Дышать вредно оловом, работая с паяльником в руках, а все остальное я не умею делать, – сказал я ему.

– Да у тебя серьезная проблема, – сказал папаша.

– Ты что-то понимаешь в стройке дома, отделке стен и строительстве фундамента? – спросил меня этот почти дед в халате.

– Мне нравится продавать людям товар, а в строительстве я могу научиться работать, если платить деньги будут хорошие, не работать же физически за маленькую зарплату, – ответил я и стал злиться.

– Вот если бы ты сказал, что ты владелец магазина, и не одного, я бы очень радовался. А так тебе надо еще заслужить место для уважения, – ответил папаша Тани.

– Папа, может, хватит? – заступилась за меня его дочь. – Нельзя так, он уже покраснел!

– Это неплохо, что покраснел, значит, еще не стал тупым окончательно после училища, и мои слова вызывают в нем сильные эмоции.

Я немного выпрямился сидя, ожидал снова критику в свой адрес.

– А где вы будете жить вместе и как свадьбу отмечать, если дочь не хочет жить со мною тут в доме? – ответил мне ее папаша и сразу задал вопрос, не дожидаясь моего первого ответа.

Видно, он решил меня унижить окончательно. «При чем тут вопрос, где я буду жить – у него или у себя в маленькой комнате в доме недостроенном через дорогу от них», – подумал я и прослушал его второй вопрос.

– Сейчас думают о здоровье и про вредные привычки! – ответил я.

– Подожди! – перебил меня бывший полковник милиции и показал мне свою ладонь, будто хотел отгородиться от моих слов. – Можешь не продолжать, мне все понятно, вот в чем проблема браков и бедности семей молодых, а потом измены, и несчастные дети родителей становятся, – ответил папаша. – А если в стране переворот еще будет один, как в 1991 году? А если вас собьет машина и вы останетесь жить? Что вы еще умеете делать, кроме как думать о торговле тряпок на рынке? Как вы будете содержать семью, поднимать на ноги своих будущих детей? – задал мне вопросы этот папаша моей девушки.

Я стал злиться. И что он себе позволяет, чтобы меня так критиковать. Подумаешь, милиционер в отставке, быть таким, как он, не каждый сможет и не захочет.

– Вы меня совсем опустили, – произнес я, не скрывая усмешки. – Не такой же я романтический в торговле, каким вы меня представляете. У меня скоро будет машина и водительские права, буду копить деньги на строительство дома на нашем земельном участке, на котором небольшой дом построен моим отцом, которого все гнали ваши знакомые из этого нового коттеджного поселка, который вы, наверное, тоже строите, – ответил я на его критику в мой адрес.

Бывший полковник в возрасте посмотрел на меня так, словно я был дятлом на березе, который стучит на весь лес.

– Где гарантия, что вы долго будете в мире жить? – спросил меня этот старик. – Какие же вы, молодые, самоуверенные! А если вам проходу не дадут в городе, и вы станете изгоями? Но самое худшее, что вы вдруг заболеете и не сможете содержать семью, строить, расширять жилую площадь для будущих детей. И в другом случае, если вас посадят в тюрьму? – ответил мне этот старик.

– Немедленно прекрати унижать Русика! Он уже глаза от стыда поднять не может! – громко сказала моя девушка своему отцу.

Папаша добродушно рассмеялся.

– Ниче, критика ему пойдет на пользу, не надо обижаться. Во мне есть мудрость и ум от опыта на работе. Долг и ответственность за дочь заставляют думать меня, что вы еще не готовы обеспечить ей счастливую семейную жизнь. Но я думаю, вы старайтесь рискнуть, и она вас будет верно ждать, чтобы потом отблагодарить, – ответил ее папаша.

Я расслабился, когда мы с Таней остались дома у нее в ее комнате одни.

– Кажется, – сказал я, поправил воротник своей рубашки розового цвета и продолжил говорить: – Твой папочка намерен стоять насмерть. Вот не думал, что в наше время еще можно найти такой экспонат! Неужели материальное положение его сильно влияет на мою образованность после училища и работы на рынке, что он с радостью тебя выдал за обеспеченного и сотрудника своей специальности, лишь бы не за нищего с окладом рабочего?

– Пойми его, – ответила Таня с грустью и опустила руки мне на плечи. – Недавно ко мне набивался в женихи один молодой человек из знакомых моего папы, который работает в суде городского района одного. Есть работа и образование юриста, его отец работает в суде прокурором. Мой папа с ним разговаривал недолго, а молодого сына его чаем поил на кухне, после чего передумал, чтобы он был женихом.

– Ты расстроился? – ответила Таня.

– Я не ожидал такой критики! – ответил я. – Придется пойти учиться на юриста, – улыбнулся я.

– Тогда мне точно не дожидаться свадьбы. А отец немного болен алкоголизмом и давлением, – ответила она.

С этими словами она схватила меня за руки, падая спиной на кровать, стала обнимать.

– Ты что? – покраснел я, отчаянно сопротивляясь страсти дочери милиционера бывшего. – Я так не могу, вдруг он зайдет, нужно двери закрыть...

Видел бы ее папа в этот момент!

Потом я торопливо, как солдат по тревоге, надевал брюки, сидел на ее кровати.

Таня лежала с закрытыми глазами, чтобы не видеть мою тревожность и отсутствие романтики.

– Давай уедем, – сказала она тихо.

– Куда?

– В Москву.

– Сейчас в Москве нелегко. Если только на окраине нашего города построить небольшие дома, чтобы их продавать, но на это нужны деньги, – с разочарованием ответила она.

– Ты меня не понял, – она лежала с закрытыми глазами. – Я хотела тебе сказать, уехать далеко, и чтобы никто не знал, кто мы с тобой, – продолжила она.

Я застегивал рубашку, заправляя ее в брюки, и подошел к кровати.

– Таня, – сказал я. – Это невозможно, мои родители не поймут этого, и твой отец тебя сильно любит. Я продолжаю строить забор, хочу построить дом с отдельными комнатами, чтобы не быть зависимым от тестя и своих родителей с сестрой, – ответил я.

Таня открыла глаза, повернулась ко мне, взяла мою руку, поднесла к своим губам.

– Я с родителями половину жизни прожила!

– Вот если у меня будет ребенок, то пусть он живет не в этом городе, – сказал я волнуясь.

– Мы приехали сюда, убегали от бедности и националистов другой уже страны, я не хочу уезжать.

Я даже не догадывался, что во мне так прочно есть любовь к нашей стране, после десяти лет жизни на Украине в городе, в котором много нацистов украинских на западе живет.

Глава 2. Бедный и безработный

Я встретил Таню после занятий в училище. Мы сели в ее отца красную «Мазду», она включила стеклоподъемники и подняла тонированные стекла дверей двух, музыка нас стала тихо веселить. Она курила и пила 1,5 литра пива из горла, закусывая чипсами.

Машина стояла рядом с ее забором на грунтовой дороге, по которой я хожу мимо них домой и на последний курс училища. «Зимой приходилось даже ездить на троллейбусе и в холодных автобусах сидеть на ледяных сидениях», – подумал я.

– Отец мой поставил вопрос ребром, – тихо сказала выпившая Таня. – «Или ты выйдешь замуж за образованного человека, или не выйдешь вовсе», сказал мой отец недавно мне.

Я любовался ее профилем, чуть освещенным золотистым светом приборной панели.

Идеально ровные, темного цвета коричневые волосы спадали почти на плечи, уложенные и лаком набрызганные против ветра на улице.

– Не думай о том, что я буду всегда бедным и жить в маленькой комнате, – сказал я. – Если стараться мне, я смогу выучиться в институте, мне для поступления нужна работа и деньги, за деньги теперь можно все. Твой папаша хочет, чтобы у меня был диплом.

– Диплома будет мало, – покачала головой Таня и ответила: – Он хочет, чтобы ты жил у нас и всегда был на виду у него.

– А это зачем ему? Решил меня взять на перевоспитание свое?

– Не знаю! – ответила будущая моя жена.

Я выкинул жевательную резинку из своего рта в окно, приглушил музыку и внимательно посмотрел на Таню.

– А он не хочет, чтобы я стал милиционером? В будущем это возможно, если много заплатить на вступительных экзаменах в вуз.

Таня посмотрела на меня. Ее глаза были немного прикрыты веками, но взгляд был спокойный, не поникший, в нем была гордая самооценка происходящего.

– Если ты хочешь, я смогу его переубедить. А могу уйти из дома.

Я не ожидал от нее такого протеста правилам ее отца. Мне стало ее жалко, немного наклонившись к ней, я ее обнял.

– А зачем мне ругаться с тестем? – тихим голосом я спросил. – Его нужно уважать, считаться с его мнением и любить. Ну пойду я учиться на юриста, а потом куда? Наверно, он мне поможет устроиться на работу в этом городе?

– Наверно, – ответила Таня. – Как ты только сделаешь, что пойдешь учиться после училища в вуз? – спросила она меня.

– Очень просто, может, я закончу в этом году училище и к лету соберу денег на подготовительные курсы в вуз.

Таня удивилась и меня оттолкнула от себя, сказала:

– Моего отца нужно не обманывать заранее, а добиться своей мечты и так только его убедить! А если ты захочешь купить диплом, то мой отец сделает запрос в вуз и проверит твой диплом.

– Дорогая моя, – нежно я сказал. – Все покупается и продается сейчас, везде берут взятки, в приемной комиссии тоже только нужно знать, кому заплатить и вовремя, – ответил я с улыбкой.

– Вот я работаю на рынке, временно подрабатываю, ставлю палатку для торговли вещами, а если я буду несколько палаток еще собирать, денег будет больше, стану присматривать, в какой вуз пойти, там нужно от армии спрятаться, может, не пойду в нее, если кафедра военная будет, – ответил я с иронией.

– Я так сильно не хочу стать алкоголиком, а на рынке зимой мороз до -25 градусов бывает, продавцы стоят на деревянных поддонах и обуты в валенки, но так холодно все равно, что они выпивают водку, которая часами не греет, а чай, кофе в термосе держит тепло, но его не будешь пить весь день, – ответил я.

– Ты ведь не собираешься годами работать на рынке, – спросила Таня и подвела свои глаза под лоб себе, улыбнувшись.

– Конечно, нет! Мне нужно найти подход к твоему отцу, – сказал я. – Раньше я хотел пойти учиться в строительный вуз, чтобы научиться ремонтировать дороги, – ответил я своей девушке. – Мне нравится запах битума и солярки, горячего асфальта, – продолжал я говорить с вдохновением.

– Ну и что, может, не будешь вонять соляркой, а так, в кабинете сидеть будешь, если закончишь юридический факультет или станешь невостребованным специалистом, – ответила Таня мне грубым голосом и достала пачку сигарет легких, чтобы закурить в машине отца.

– К отцу постоянно приезжают всякие подозрительные люди, но редко, обычно он общается часто с соседом, генеральным директором кооператива по имени Борис, – ответила Таня мне, закурив сигарету, и узкую блестящую зажигалку положила себе в карман.

– А твой отец знает, что ты куришь? – спросил я, делая вид, что мне неинтересен ее рассказ о событиях с соседом.

– Нет, но по запаху догадывается. Еще видела, как этот сосед часто разговаривал о постройке нескольких коттеджей рядом с дорогой из асфальта, которая мимо нас проходит, – и она показала рукой на огороженные металлической сеткой земельные участки недалеко от машины, в которой мы сидели.

– А может, ты попросишь своего отца, и он устроит меня менеджером в кооператив строительный? Может, им нужен будет рекламный агент? Тогда я уйду с рынка и буду рядом с вами, копить деньги на взятку.

– Я у него спрошу про тебя, чтобы найти тебе другую работу в этом строительном кооперативе. Я сама скоро закончу экономический факультет и работу еще не знаю где искать, – ответила Таня мне и затушила окурок в пепельнице, в которой было много пепла.

– Здорово! – обрадовался я. «Только проблема будет для меня со знакомством в фирме и генеральным директором – кто он и что за характер у него», – подумал я.

– А кто этот Борис? – спросил я и смотрел в окно, опущенное немного в двери машины.

Девушка задумалась и ответила:

– Я знаю? что он недалеко решил построить себе дом в три этажа, и этаж один есть в земле у него, такой дом с многими кладовками, и размер его дома 10 метров длины и 10 метров ширины, он похож на наш проект дома, только разным кирпичом панельный дом обложен, – продолжала с волнением говорить она и смотрела на калитку и ворота своего забора, у которого мы сидели в машине.

Мне показалось странным, что она волнуется. А мой отец недалеко решил построить маленький дом, похожий на длинный сарай без канализации и водопровода, в котором даже нельзя прописаться и подключить газ, а приходится ходить в лес рядом и резать дрова, чтоб отапливать дом размером 3,5 шириной и 11 метров длиной русской печкой, которую отец мой построил, по профессии электрик.

– Надеюсь, у меня получится устроиться на работу к соседу? – с некоторой тревогой спросил я.

– Мой отец говорил, что я смогу к ним в фирму соседа пойти на работу помощником бухгалтера, а мне еще год учиться остается, – ответила Таня и стала кивать головой своей возмущенно.

– Ну вот, все просто, – серьезно сказал я. – Быть мне юристом и работать менеджером в фирме соседа, если что, твой папа меня прикроет от проблем, – ответил я и улыбнулся.

Таня недолго думала и отрицательно покачала своей головой.

– Я заметил, в нашем поселке много земельных участков огородили забором из сетки, привезли материал из кирпича, фундаментных блоков, дома небольшие построили, только ваш дом и соседа в три этажа построили вверх и один вниз, – ответил я и поднял стекло двери в машине, нажал на кнопку в салоне рукой.

Все-таки умная девушка у меня, подумал я, не зря она дочь милиционера, и мама у нее в отделе кадров работает в одном из отделов милиции района, которую я редко вижу здесь.

– Мне на рынке хозяйка палатки платит 300 рублей, чтобы я поставил ей палатку и потом ее собрал, а грузчик зарабатывает в день 400 рублей за то, что он по рынку развозит на тележке вещи по палаткам с вагонов, в которых хранится товар продавцов, – ответил я, немного улыбаясь, и взял левой рукой своей руку своей девушки правую, чтобы ее согреть и передать так ей свое понимание проблемы, которая встала перед нашей свадьбой.

– Ты хочешь, чтобы мой отец стал тебе помогать в поступлении в вуз? – спросила меня девушка.

– Нет, если он устроит меня на работу, я сам поступлю на юридический, – ответил я.

Я сильно прижал к себе Таню и обнял ее, поцеловать она в свою щеку мне легко дала. Ее отец молодец, что на меня кричал высоким тоном в прошлый раз. На какое дело меня подтолкнул, надо же, я стану юристом, потом буду работать в нотариальной фирме, может, в адвокаты пойду, буду общаться со светским обществом города, принимать участие в суде, изучать науку и скандалить с прокурором района, в котором буду уже прописан. Повторить, может, мне книжку, которую я оставил с занятий в училище по предмету «Правоведение», потом в библиотеку надо зайти в центре города за учебниками, когда накоплю денег на взятку, подумал я.

Глава 3. Работа

Таня очень волновалась, чтобы я не передумал, разбудила меня телефонным звонком почти в семь часов утра.

– Ты еще спишь? – удивленно спросила она.

– Привет, а почему так рано звонишь? – удивился я, старался дальше закрыть глаза и спать, слушая ее голос в телефоне мобильном серебристого цвета, который я успел купить на первую зарплату на рынке.

– Нужно идти тебе сегодня, подумать, как с моим отцом разговаривать о работе! Вчера к нему приходили гости местные, он еще не успел опохмелиться дома!

Вот как девушке замуж захотелось! А я все лучшее утром должен узнать. Если бы мне дали выбор жениться на девушке после поступления в вуз, я бы согласился, но без образования я сейчас не хочу свадьбы лишь потому, что ее отец меня будет унижать своим благородием семейным и принижать к обычным рабочим, которые живут в квартирах и маленьких домах по окраине города, подумал, лежа на маленьком диване скрипучем на окраине города, я.

Мы встретились рядом с ее институтом, в который она стала ездить на машине красной своего отца. Была зима и не очень сильный мороз. Мы поехали в сторону северного района, чтобы переехать на окружную автодорогу и коротким путем приехать домой в свой поселок. В ветровое стекло летел большой снег с огромными хлопьями. Лобовое стекло очищалось щетками, они успевали первый снегопад выдержать на машине, за рулем которой ехала будущая выпускница вуза, недавно получила водительское удостоверение. Я стал думать о кюветах, в которые мы могли заехать с дороги, мне пришлось говорить Тане, чтобы медленно давила на педаль газа своей женской ногой.

– Если мы будем ехать медленно, то мы приедем к вечеру, когда папа будет пьян, – ответила недовольным голосом Таня.

– Лучше медленнее! – ответил я и пытался ее обманывать, отвлекал на дорожные знаки и встречные машины.

– Странные мужчины, чем больше преград на пути к сердцу девушки, тем дороже любовь становится, – ответил я с улыбкой и смотрел на встречные машины.

Если сказать, что она мне нравится, то отвечу, что не знаю после разговора с ее отцом в его комнате о будущем семейном. Таня волновалась и иногда смотрела на коробку сигарет, чтобы закурить за рулем, пачка лежала на полке рядом с ее сидением. Много теней на лице и покрашенные волосы придавали ей современный вид девушки из обеспеченной семьи, думал я.

– Ты сегодня отличилась на занятиях в вузе? – спросил я неловко.

– Ты о чем? – ответила мне она и больше внимания обратила на пешеходов, которые проходили рядом на тротуаре уже в нашем районе.

– Ладно, не отвлекайся, – тихо сказал ей я и не дождался от нее ответа.

– Ты поворот помнишь, куда переехать с этой улицы? – спросила она и стала еще медленнее ехать.

– Может, печку выключишь? – ответил я и добавил, сказал: – Смотрю на время, мы так долго едем, нет, ты не проехала, тут сверни, – сказал я.

На улице снег, тихо послышался звонок мобильного в кармане у Тани, она правой рукой полезла в темный карман своего светлого осеннего пуховика и достала небольшой телефон, сказала:

– Алле, это ты, папа? Че хотел? Мы уже приедем, – тревожным голосом отвечала она своему отцу. – Красота, значит, можно с ним уже встретиться сейчас, он недалеко? Тогда ему позвони, мы будем на твоей машине у дома номер три, – с веселым голосом ответила она отцу.

Как все может меняться в лучшую сторону, думал я, когда началась почти зима, и сказал: – А че, мы тут будем ждать твоего папу? – спросил я у Тани, и мы остановились у небольшого магазина вдоль дороги, похожего на стеклянный вагончик, крыша у которого набита металлом.

– Да, мне звонил папа, сейчас нужно подождать его соседа, он в магазине и будет выходить, мы увидим его, – ответила удивленно.

– Мы остановились недалеко, чтобы лучше можно было тут увидеть его?

– Да, этот сосед часто приезжает с водителем сюда, но в этот раз водитель на машине уехал, и он должен быть один, – ответила Таня и приглушила двигатель машины на стоянке небольшой у магазина в поселке.

Вокруг магазина были деревья все в снегу, разбитый асфальт на обочине был в мокром снегу, и ветер дул в лицо через стекло в дверях машины, в которой мы сидели.

– А как я его смогу узнать, что он не выпивший и сможет мне помочь устроить меня к себе на работу? Может, все это напрасно?

– Мне отец сказал, что он устроит на работу, но маленькая зарплата будет первое время, тебя будут проверять, – она волновалась и закурила свои легкие сигареты, ветер дул в окно, которое было наполовину опущено.

Мужчина через десять минут вышел из магазинчика, высокий, плотного телосложения, в черном плаще из кожи, которое свисало почти ниже колен, и отсутствовала шапка, смуглое лицо с черными кучерявыми волосами и синие джинсы мне сильно запомнились в эти минуты.

– Наверное, это он, пойду тогда к нему, познакомлюсь!

– Так что делать мне? – ответил я и смотрел на свою девушку, которая продолжала курить и смотрела в сторону дороги на встречные машины проезжающие.

Таня была терпеливая, как она не стала меня критиковать за те условия своего отца, который выдвинул нам задачу, по которой мы решить ее должны вдвоем.

– Иди, машина скорее за ним не придет, я позвоню отцу и скажу, что мы его подвезем к его дому.

Я взялся за ручку двери и вылез из машины красного цвета, краска блестела под светом, который горел на лампочках рекламного плаката у магазина.

Девушке в машине, наверно, стало легче, подумал я и обернул свою голову, я смотрел на ее глаза и хотел, чтобы мы были вместе, если это не задуманная хитрость соседа, я смогу бросить рынок и пойти учиться в вуз, получить высшее образование для будущего, чтобы не работать работягой на стройке и не крутить руль грузовика за маленькую зарплату до пенсии.

Подходил я к мужчине быстро, и он даже немного испугался, держал в руке левой пакет с продуктами, который был черного цвета с золотистыми полосками, под углом нарисованными, снег продолжал падать, несколько машин стояли в стороне от нас, в одной из которых сидел коротко подстриженный человек, стекла были затемненные, и машина модели «Волга» ГАЗ 31029 черного цвета стояла с включенным двигателем рядом с магазином, но она уже была, как мы приехали, думал я и продолжал идти к незнакомому человеку.

Я переступал через лужи в своих ботинках, и когда я подошел ближе, увидел настоящего смуглого чернявого мужика, похожего на цыганского влиятельного человека, его желтоватое лицо с мелкими дырочками от ветрянки или оспы меня стало конкретно напрягать, ветер дул, и человек, видимо, не думал меня встретить в такую минуту под снегом, но он обратил внимание на красную машину, от которой я направлялся, и он остановился, опухающее лицо с узкими глазами и коричневые глаза на меня вопросительно обратили внимание.

– Здравствуй, Борис Дмитриевич, меня зовут Руслан, я хотел бы предложить вам проехать с нами в той машине!

– Откуда вы меня знаете?

Он продолжал смотреть после моего предложения в сторону машины, за рулем которой сидел коротко подстриженный водитель недалеко от нас.

– Здравствуйте, – ответил он мне, и у меня на лице застыло выражение растерянности.

– Зачем мне та ваша машина, у меня своя есть, если вы что-то хотите спросить, спрашивайте быстро, – он заканчивал слова и гордо смотрел на меня в своей одежде, подчеркивая мою глупость, из-за которой я обратился к нему.

– Я от Тани, это та девушка, которая живет в красном доме в коттеджном поселке, ее дом в три этажа, и номер 47 на стене кирпичной висит.

– Ну и что вы хотели спросить? Вячеслав, ее папа, вам что-то сказал?

– Я про работу хотел с вами поговорить, может, вы устроите к себе в фирму?

– А что ты умеешь делать? – спросил меня он и стал улыбаться. – Если пойдешь подсобником к каменщикам раствор носить в домах, которые мы начнем строить в поселке, то приходи ко мне завтра утром. Я живу рядом с домом 47.

– А можно устроиться рекламным агентом к вам?

– Знаете, я спешу, меня водитель ждет, желаю вам удачи в семейной жизни!

Высокий с пакетом Борис, теперь уже знакомый человек, обратил внимание на красную машину, в которой сидела Таня, и развернувшись, направился тяжелым шагом к «Волге», в которой сидел его водитель.

Тяжело мне придется добиваться работы в их фирме, чтобы завоевать расположение отца и доверие. Мне придется устроиться, наверно, рабочим, а не рекламным агентом, подумал я и развернувшись, стал идти обратно, немного сутулился, смотрел под ноги и закрывающиеся двери, которые громко стучали в отечественной машине.

Подойдя к машине, в которой сидела Таня, я открыл двери с радостью, что ее присутствие меня радовало лишь потому, что я уже мог разговаривать, заканчивая ПТУ или училище, с такими влиятельными людьми, которые недалеко живут от нас – это этот мужик и ее папа, бывший милиционер. Но что их связывало, задумался я, когда залез в ее машину теперь.

– А он оказался с личным водителем!

– Да, я не знала, я звонила отцу своему недавно, он сказал, что ты будешь работать у него, – ответила спокойно Таня мне и завела машину.

– Да, я завтра к нему утром пойду, он сказал, недалеко от тебя живет, – выражал я глазами своими зависть и ненависть к богатым людям после развала Советского Союза.

Мы тронулись медленно, машина была легкая по весу, и передние колеса ведущие были, выехали на дорогу, снег стал немного таять, мороза сильного не было, лужи с ямами на разбитой обочине отпугивали нас, и мы стали дальше ехать в свой поселок, который уже начался.

– Скажи, а ты с ним договорился о работе?

– Да, я завтра пойду работать рабочим! – громко ответил я ей и попросил закрыть ее окно.

Мы проехали областную психоневрологическую больницу под номером десять, которая была огорожена бетонным забором и имела три этажа из серого кирпича, я ужаснулся, когда мимо нее проезжал, вспоминал родителей бывшего друга, которые работали оба в ней заведующими отделениями, и один из них всегда от больных носил бутылки с вином и коньяком к себе в двухкомнатную квартиру, а мой друг поступил учиться в институт МВД или, как его раньше называли, школу милиции, на факультет радиоэлектроники, а сестра старшая его поступила в медицинский вуз, а потом в милицейский госпиталь работать перешла, все было схвачено.

А тут я тоже стараюсь породниться с родней, которая в милиции работает, все как-то неправильно получается, в душе я думал и знал, что, возможно, меня смогут выгнать после нескольких лет проживания в красном особняке, подумал я и посмотрел на Таню подозрительным взглядом.

– Может, ты к нам зайдешь?

– Нет, спасибо, – немного улыбался я, и мы остановились у ее забора, я ее прижал к себе и обнял, ее рука была теплая, и взгляд мне говорил, что не надо быть гордым в таком состоянии, без денег и знакомства, нужно приспособливаться к миру и людям влиятельным ради светлого будущего, работать на них.

– Я завтра к нему зайду утром поговорить про работу, а потом тебе перезвоню, сейчас он, наверное, пьет водку, – я продолжал ее держать за руку и разговаривать.

– Он тебе что сказал, про меня он спрашивал? – она оттолкнула меня от себя и хотела узнать правду.

– Я стал спрашивать про работу и предложил пройтись к нам, а он пожелал нам успехов в жизни, – ответил я и наклонился к ней, чтобы ее поцеловать в щеку.

Таня взяла меня за шею руками и обняла, сказала:

– Не стесняйся в разговоре, будь напористым, – и поцеловала меня в губы.

Я перестал ее держать, посмотрел на ее глаза, которые были выразительные, ее помада размазалась по губам, и она посмотрела в зеркало и вытерла правой рукой своей.

Снег медленно присыпал дорогу и не успевал уже таять на крышах.

Я вылез из машины, окончательно убежденный в том, что поступил правильно, я огляделся по сторонам и вдохнул сырого воздуха на своей улице, девушка мне улыбалась через окно лобовое своей уже машины мне вслед, а я махал ей рукой, надеясь еще раз встретиться, но не дома с ее отцом.

Проходя забор из колючей проволоки, я обратил внимание на наш небольшой дом в один этаж и с двускатной крышей, которую мой отец построил один и накрыл ее шифером. Мне было неприятно, что я живу с сестрой и нету образования у нас, а местные соседи стали нас притеснять из-за захвата земельного участка, который должен был достаться северному вору – мой отец его так решил называть и просил нас не бояться смотреть людям в глаза, когда они нас называли переселенцами из Украины.

Пришло утро, я прошел мимо дома, в котором живет Таня, и направился по снегу в семь часов к земельному участку, на котором был построен в три этажа дом из панелей и огорожен белым силикатным кирпичом, крыша из оцинкованного листа была покрыта высокая, дом был похож на особняк мелкого партийного чиновника, внутри я слышал лай собак породы доберман, их там во дворе было двое, и овчарка европейская, самка, жила в подвале, мне так рассказал мой отец, когда я пошел к этому владельцу устраиваться на работу в его кооператив.

Вспоминал, как этот владелец смуглый предлагал моему отцу работать механиком и ездить без тормозов на машине утром на работу, мне было странно напрашиваться, но я шел к дверям калитки, которая имела цвет серый, на которой висел домофон и видеоглазок.

Подойдя ближе, я нажал пальцем указательным на кнопку звонка, послышался лай собак у дверей дома, наверное, но уже через минуту открылась дверь и меня встретил в зеленом, светлого цвета тот самый Борис, у которого была кучерявая, темного цвета прическа и лицо припухло от недостатка, а может, от плохого здоровья.

– Давай, заходи, если пришел на работу устраиваться, – и сказал: – Здравствуй.

Его слово для меня показалось спасением от тех проблем, которые меня поджидали в жизни, если я бы работал на рынке.

– Здравствуйте, я утром пришел, на работу устроиться можно к вам?

– Проходи в дом, за столом посидим. Как твой отец поживает, все хорошо у него с трудоустройством? Я ему раньше говорил, что у него будет проблема тут с работой.

Медленно я проходил по узкому тротуару, и он был не из асфальта, а из бетона, все приятно и красиво во дворе, но нет цветов и травы во дворе, подумал я и остановился у входных деревянных дверей в дом. Высокий мужик в зеленом пуховике шел в спортивных теплых штанах.

– Ты проходи, двери открыты!

– А у вас, я слышал, много собак бегают во дворе... – волнуясь, я спросил у него.

– Да, один ротвейлер с доберманом!

– Наверно, большие уже, много нужно еды им готовить? – немного улыбался я и проходил в его дом.

Внутри были двери из дерева, и все стены в прихожей были обиты деревом, было приятно смотреть, что у такого по образованию строителя, который, как Таня рассказала, есть талант в строительстве промышленных зданий и сооружений, по образованию он строитель именно такого факультета неизвестного для меня вуза. Я разулся и прошел вовнутрь по коридору, на полу лежал красного цвета коврик, и красная дорожка бордовая от него была раскинута узкая, на кухню в дверном проеме была красивая резная дверь из массива сосны с небольшими окошками, а в кухне был деревянный стол резной, и кухонный диван угловой коричневого цвета был похож стилем на стол, небольшой стул стоял у дверей, который я взял рукой и поставил недалеко от стола, чтобы присесть на него.

– Вы уже присели, так быстро ориентируетесь.

– Да просто нужно, наверное, присесть, че стоять, если я пришел на работу к вам! – громко сказал я и верхней одежде стал спрашивать, сказал:

– Возможно у вас найти работу? Я хотел бы узнать, чтобы не работать на рынке, на котором приходится помогать расставлять палатки владельцам.

Высокий мужик – для меня он таким запомнился – включил газовую плиту и поставил чайник на огонь. Этот Борис Дмитриевич не держал много продуктов на столе, кухонные шкафы висели над умывальником, все из красивого массива сосны и крашено лаком. Я вспоминал своего отца, который мне говорил, что нас постараются преследовать, потому что мы поселились среди тех, кто раньше тайно был организованной преступной группой под прикрытием своих осведомителей в милиции в конце 90-х годов.

Этот рослый с хитрым выражением лица человек посмотрел на меня и сказал:

– Долго мне дома нельзя быть, у меня есть еще семья, сын с женой, они в квартире живут, на левом берегу в городе, сын тебе ровесник, на юридический факультет я его устроил учиться.

Я внимательно слушал его, как он мне коротко рассказывал немного про свою семью, я даже не мог предположить, что он хотел мне сказать, но для меня он сделал исключение и сказал:

– Предложу работать временно в бригаде у штукатуров, если долго задержишься, то, может, ты станешь бригадиром в отдельной бригаде.

– А где работать придется, тут, в поселке, или в городе? – спросил я неуверенно.

– Приходи завтра, ко мне приедет водитель, он тебя подвезет к одному коттеджу с вещами, там лопата и бетономешалка есть, будешь раствор мешать для штукатуров за 120 рублей в день, потом видно будет, – ответил мне смуглый с улыбкой собеседник нашего виртуального договора по моему трудоустройству.

– Спасибо, я тогда приду утром к семи часам, одежду возьму, если рядом, то мне не нужна машина, пешком пройду по снегу, на улице не так холодно.

– Приходи, можешь сразу в коттедж один идти, там тебе Геннадий покажет, есть инструмент, нужно только работать и меньше разговаривать.

– Твоему отцу я говорил, что он будет изгоем в этом поселке и в городе, так все и получилось.

Этот большой человек, немного ссутулившись, встал и выключил на плите закипевшую воду в чайнике.

– Чай налить тебе?

– Нет, спасибо, я пойду, нужно думать о завтрашнем дне! – ответил я, и мой голос дрожал, когда я смотрел на часы.

– Тогда я тебя провожу к выходу из дома, – он поставил обратно чайник на плиту.

Я быстро встал с деревянного стула и посмотрел кухню вокруг, думая, что больше я сюда не приду, в этот таинственный дом, в котором много кладовок из комнат в земляном этаже.

Про какого изгоя он хотел мне сказать, думал я, когда смотрел на его елки, которые он посадил у тротуара во дворе. Разве он живет в квартире? А может, этот дом другого человека, на которого он работает?

У калитки он мне сказал:

– Приходи, если хочешь добиться в этой жизни успеха!

Молодой парень понимал, что его отец всегда любил свободу, не хотел, чтобы он ругался в семье с сестрой младшей, и учил никогда не сдаваться трудностям, бояться завистных и жадных людей.

Но в этот раз, послушав предложения Бориса, к которому пришел молодой человек от его знакомого будущего тестя Вячеслава Николаевича, и решение проблемы о женитьбе с получением высшего образования и руки его дочери, парень – выпускник училища по специальности «монтажник радиоаппаратуры» – соглашается на предложение идти рабочим подсобником к штукатурам в несколько построенных домов в два этажа из силикатного кирпича.

Я оглянулся на крышу дома, которая блестела под лучами солнца, открывая калитку, я увидел черную «Волгу» ГАЗ-31029, ту, которая стояла у небольшого магазина. Из выхлопной трубы шел пар, на улице небольшой мороз меня тревожил, первый снег уже не таял.

– Спасибо, я завтра приду, – тихо ответил я, обернувшись.

Черноволосый мужик в зеленом пуховике надел на свой размер ноги 43 обувь из сапог, которые стояли у выхода из дома в прихожей, и закрыл двери на улицу, собаки лаяли громко, и было жутко неприятно находиться в этом доме из железобетонных панелей с большими окнами, который имел блестящую крышу из оцинкованного металла.

Медленным шагом я уходил от его забора по снегу, который лежал уже на грунтовой дороге. Достал свой недорогой мобильный телефон и набрал номер своей возлюбленной.

– Алло, привет, ты не спишь?

– Привет, я только недавно проснулась. Ты устроился на работу? – спросила меня Таня, еле произнося вопрос в трубку мобильного утром.

– Да, я поговорил с тем человеком и пойду работать в бригаду штукатуров завтра, – тихо ответил я, проходя мимо забора из красного кирпича во дворе, в котором жила женщина, у которой зять был футболистом клуба «Факел».

– А что, он тебя не взял рекламным агентом в фирму, как ты хотел?

– Нет, не взял, сказал, что за физический труд мой будет только платить зарплату и то неофициально, – ответил я и промолчал про критику в адрес моего отца, который стал изгоем в городе со своей профессией.

– Тогда я желаю тебе успехов, на рынке тебе уже нет смысла работать! – ответила девушка мне.

– Да, ты права, поеду я, заберу последние деньги у владельца палатки за несколько дней, потом буду тут работать в одном из построенных домов в два этажа, которые в поселке.

– Ты мне позвони, когда начнешь работать на стройке, я своему отцу скажу, чтобы тебя сильно не заставляли работать! – ответила девушка мне и сказала:

– Звони, я сейчас на квартире с родителями, готовлюсь к сессии. Пока.

– Да, я целую тебя, – ответил я и выключил мобильный телефон свой.

Мне было неприятно, что мною начинают руководить в раннем возрасте такие, как этот мужик в зеленом пуховике. Я понимал, что он, наверное, руководитель стройки и, может, даже директор фирмы, которая строит дома в два этажа, как я припоминаю, что мне рассказывал мой отец.

Прошел день, и на следующее утро я встал рано, в пять часов утра, позавтракал, взял пакет с рабочей теплой одеждой, родителям сказал, что пошел на стройку работать, занятия

на последнем курсе сдал еще летом в виде государственного экзамена по защите диплома профессионального технического училища. Теперь нужно собирать деньги на обучение в вузе и на подготовительные курсы для поступления в него, только вуз нужно выбрать мне, думал я, планируя на несколько лет вперед свою стратегию.

На улице снега достаточно намело за одну ночь, что можно было остаться дома и ждать весны. Зачем в холод работать на стройке, подумал я, но этот тесть будущий меня серьезно стал волновать, что мне надо было где-то работать в его кругу друзей для своего блага и его дочери.

Солнца не было, пасмурная погода и несильный ветер с морозом быстро меня разбудили на улице. Вышел я из своего двора и направился к указанному коттеджу после закрытия своей калитки на ключ.

Черный пуховик большого размера до колен и черные джинсы со смешной шапкой, обутый в зимние ботинки, я держал пакет со штанами строительными, и свитер для работы был у меня под пуховиком надет. Пройдя половину километра, я приблизился к дому, построенному в два этажа и огороженному сеткой в высоту почти два метра. Трубы соединялись с сеткой и держали натяжение забора. Мои родители не поддерживали меня и мою трудовую занятость, сказали, что нету смысла работать на незнакомых людей.

Я пришел и стал рядом с калиткой у дома в два этажа, в котором должна была работать строительная бригада с бригадиром, про которого мне рассказывал Борис.

Невысокий дом в два этажа из белого кирпича, огороженный сеткой в виде забора и с крышей, покрытой металлическим листом из нержавейки, меня заинтересовал. Я подошел ближе к калитке металлической, на которой висел открытый накидной замок на петлях. В своей теплой одежде и зимних сапогах я должен тут не заболеть на холоде за такую маленькую зарплату, но мне не придется работать зимой на рынке, думал я. Пройдя на территорию земельного участка, я шел мимо бревен, сложенных у забора, и нескольких небольших сложенных на деревянных поддонах пачек кирпича, накрытых пленкой прозрачной от снега.

– Можно пройти в дом? – крикнул я и открыл деревянные двери на входе в дом. Стоял я на крыльце из деревянного бруса, над моей головой был небольшой каркас из деревянной крыши и листа металла, думал я, что это от снега и дождя над входной дверью сделали.

В коридоре горел свет, и деревянный пол стал скрипеть от шагов незнакомца в доме, который шел мне навстречу.

– Ты уже пришел так рано? Меня зовут Геннадий, и я буду тебе рассказывать, какие работы с утра ты должен делать в течение всего дня рабочего! – человек светлого лица и с голубыми глазами, множеством морщин на лице и сигаретой во рту мне говорил.

– Проходи, недалеко можешь располагаться, одежду тут оставляй, если завтра придешь на работу, – он говорил, одетый в темную телогрейку и ватные черные штаны, на его ногах были ботинки зимние на толстой подошве коричневого цвета, все в пыли от распиленного бревна или досок.

– Меня зовут... Вы, наверное, знаете, я недалеко от вас тут живу, – не хотел я говорить свое имя, как услышал быстрый ответ, когда этот бригадир выкинул окурок через входную дверь и сказал:

– Ты живешь в недостроенном доме, тебя зовут Руслик, твой отец иногда выпивает с нашим соседом Борисом, поэтому ты и пришел сюда поработать, так ведь?

– Нет, я пришел научиться работе в приготовлении раствора для штукатурки, и ваш директор Борис Дмитриевич, который на «Волге» ездит, мне предложил работать на стройке.

– Да ты еще наивный парень! Давай переодевайся, песок там, у дома есть, мешки с цементом и штукатурным раствором находятся внутри дома, тепло там, греет вентилятор на раствор, но он сухой, нужно будет добавлять воды определенное количество для замеса, мешать будешь вручную на полу, пол в комнате на первом этаже бетонный, ты проходи.

Я стал думать над большим потоком задач и слов от знакомства с этим странным человеком, который приехал из Украины, а сам, как мне раньше отец рассказал, он был хороший компьютерный специалист и ландшафтный дизайнер, возрастом 38—42 лет, с женой, которая работала медсестрой, и с двумя маленькими детьми, все они живут в небольшом домике с гаражом, и с ними есть еще их старые родители.

Я прошел, стал переодеваться в прихожей дома, деревянные двери я закрыл на входе в дом, они еще не были окрашены, натуральные деревянные двери были, видно, недавно привезены и поставлены, деревянные стулья невысокие, и межкомнатные двери с окошками, и сплошная доска резная была в дверях красиво собрана, не видно было, что двери и окна сбиты большими гвоздями, все они недавно под снегом пахли деревом.

– Наверно, мне придется все время мешать штукатурный раствор, а кто будет штукатурить?

– Я буду штукатурить, – ответил мне спокойно Геннадий и отрезал ножовкой некоторые доски тонкие для неизвестных целей своих.

Мне уже не нравится так работать начинать, подумал я и переоделся в старую теплую одежду.

– А где туалет? И воды нагреть для чая можно на кухне? – спросил я таким голосом, что если мне он ответит грубо, я обратно оденусь и уйду из этой работы в этом экономном доме, в котором все планируется странно, думал я.

– Там, пройди на улицу, во дворе сбит из деревянных досок!

– Я понял! – громко ответил я и снимал свои часы с руки, чтобы начать работу – мешать раствор штукатурный.

Молодой парень принес обед для себя в кармане одежды в виде нескольких кусочков хлеба и отрезанной колбасы, завернутой в полиэтиленовый пакет.

Наверное, мечта стать образованным человеком очень сильно его тревожила, чтобы еще жениться на дочери милиционера и соответствовать статусу или классу общества, которое хочет быть выше рабочих на заводах и на стройках. Но все не так стало в будущем идти гладко у молодого парня на стройке, работавшего в бригаде двух штукатуров и слушавшего критику Бориса Дмитриевича в адрес отца, который был электриком у молодого парня, который стал выпускником училища номер восемь, а не выпускником вуза в городе, в который приехала семья с сестрой и Русликом.

Геннадий подошел и встал в дверном проеме коридора, сказал:

– Пойдем, покажу, где есть раствор штукатурный и лопата с ведрами.

Мы шли вдвоем по темному коридору, который освещался одной лампочкой на потолке, который был перекрыт бетонными плитами, и стены были не оштукатурены.

– Еще один парень придет завтра, будет тоже штукатурить, – ответил Геннадий мне и посмотрел на стены из кирпича белого над дверями в зал, подняв голову.

– Да, это неплохо, наверно, много раствора надо приготовить?

– Да, проходи вперед, в зал, вот, пленку убери с кучи этой, возьми потом воды, она в шланге в коридоре, и ведрами начнешь наливать в небольшую кучку, лопата в углу стоит совковая, там нужно, чтобы раствор был вязким и прилипал к стене кирпичной.

– Хорошо, я постараюсь уже сейчас несколько ведер намешать, – ответил я и поправлял штаны теплые на бедрах своих, осматривая вокруг стены, которые были сложены из кирпича белого на цементном растворе.

– Если раствор будет жидким, штукатурка не пристанет к стене, понял!

– Я понял, – ответил молодой парень Геннадию, который в эту минуту держал провод с розеткой от небольшой трубы с вентилятором, который назывался печкой и который дул горячим воздухом на кучу раствора, когда он подключил розетку и вилку с переноской на полу бетонном.

– Если все понял, давай начинай работать, деньги за работу буду платить я в конце каждой отработанной недели. – Он достал мобильный телефон с длинной антенной и стал набирать номер пальцем.

– Борис Дмитриевич, ну, парень, про которого вы рассказывали вчера, пришел, я ему все показал и сказал, он уже работает, завтра еще один штукатур придет. Живет недалеко, местный тоже, да, я все понимаю!

– Никто выпивать не будет, – ответил Геннадий строго и засмеялся в трубку, смотрел в окно из зала, которое было из деревянного блока и двойного стекла, сильно светило нам солнце утром, и я прошел от двери, взял правой рукой пленку, стянул с кучи и кинул в угол, из которого взял лопату и два ведра высоких круглых, в которые помещалось больше десяти литров воды.

– Завтра придет парень, будет штукатуром работать, сегодня у тебя обучение с раствором, завтра много нужно замешать, обед в двенадцать часов и длится один час, а заканчиваем работу в пять часов, если нужно остаться, то я могу попросить тебя остаться, за лишние часы я заплачу.

– Все, я понял, мне нужно будет немного времени, и я смогу все приготовить, – ответил я нерадостным голосом Геннадию.

Геннадий ушел немного задумчивый, и молодой парень стал мешать раствор лопатой, кидая из кучи отдельно на пол, чтобы залить водой из ведра и размешать нужную консистенцию раствора.

На потолке в зале висела небольшая лампочка, которая могла гореть вечером.

– В зале есть свет, это хорошо, можно работать вечером, если не успею намешать быстро раствора, они, наверное, работают от оштукатуренных квадратных метров, – сказал тихо я и продолжал кидать раствор немного влажный из кучи для приготовления раствора вручную.

Белые рукавицы я уже испачкал раствором, и они стали серые, мне было приятно, что у меня есть работа рядом и не нужно ходить на рынок.

К вечеру я очень сильно устал, болела спина, и ведра, которые я носил в коридор для Геннадия, были тяжелые, он старался раствор раскидывать по стенам мастерком и деревянной доской растягивал в один, а где в два сантиметра по кирпичной стене.

Мне позвонил мобильный телефон, который был серебристого цвета с голубым экраном, он поддерживал диапазон частот GSM, и там была одна из сим-карт красного цвета с номером московской телефонной связи, который легко запоминался.

– Привет, ты уже отработал на стройке?

– Привет снова, Таня, да, сейчас я уже заканчиваю, спина болит от такой работы, руки все в растворе, весь воняю дымом, бригадир костер разжег во дворе, сушит мокрые вещи, носки, наверное, с рукавицами, отопления в доме еще нету, в котором мы работаем.

– Ты не жалеешь, что пошел работать на стройку? Может, тебе надо было идти в рекламу?

– Нет, лишь бы твоему папе понравилось это, надеюсь, я с ним еще на этой неделе встречу.

– Сегодня я не приеду к своему отцу в поселок, а завтра вечером я буду ночевать дома в поселке, ты можешь к нам прийти вечером, и я постараюсь, чтобы ты у нас остался ночевать! – ответила мне Таня в мобильный телефон сухим голосом и смехом в конце постаралась меня развеселить среди холода и влаги от штукатурного испарения и света лампочки на потолке, а в зале лежала большая куча влажного раствора.

– Наверное, я завтра буду себя неловко чувствовать, когда приду в гости к тебе после лопаты и ведер!

– Ты должен прийти, я буду ждать! – крикнула громко в трубку девушка мне.

– Я приду, спасибо, что пригласила меня, – ответил я и добавил, сказал:

– Обнимаю тебя и целую крепко тебя!

Я закончил разговор, и мы остались не очень радостные, я был гордым и еще не был студентом вуза, а она была вся из себя похожая на обеспеченного и разбалованного ребенка обеспеченных родителей, которые не были похожи на работников МВД, а, скорее, имели секреты, по которым у них приходят доходы в их семейный бюджет после распада государства и появления криминального мира преступного, который стал обуздывать и напрягать отдел внутренних дел, а чтобы все было при деньгах и достатке, стали думать про «крышу» – из определения слова в блатном мире это покровительство преступного мира, соблюдение воровских законов либо свидетелей уничтожение, чтобы не было вражды за проваленные дела среди блюстителей закона и преступного мира, так мне рассказывал один родственник определение «крыши».

Я оставил свою одежду в прихожей рабочую, надел часы на руку и спрятал мобильный телефон в карман, сказал:

– Геннадий, я пошел домой, свет горит в зале, я его не стал выключать, если ты скажешь остаться еще поработать, то я останусь!

– Все, до завтра, приходи утром, не опаздывай! – крикнул мне бригадир с улицы, сидя у костра небольшого.

Я прошел, закрыл двери калитки с обратной стороны, и мне было унижительно и неприятно вспоминать лица этих богачей двух, которые о себе высоко думали.

Пройдя через несколько дворов к своему земельному участку, я увидел перед собой наш небольшой построенный дом в виде непонятного здания, в котором нет газа с водопроводом, а также забор, который был раньше огорожен колючей проволокой, и калитка была из металлической решетки, снятой из кровати старой.

Зайдя во двор, я почувствовал обиду на отца своего, на то, что он стал изгоем в своей профессии электрика на любом предприятии города, его постоянно проверяла охрана частная – не несет ли он дорогие проводки в своей сумке, может, он ворует медь с алюминием, так думали раньше.

Но он был удачливым в своей семье, а не на работе, с которой он всегда увольнялся по собственному желанию из-за замечаний к себе со стороны главного энергетика, начальника охраны, разных напарников-электриков, которые работали в другой смене и делали ремонт оборудования.

Войдя в дом небольшой из деревянных брусьев и досок, я увидел своего отца, сидящего у печки русской, и он топил дрова, согнувшись у стола.

– Ты пришел, ну, как работа?

– Мне не нравится, ты был прав, нас всегда будут стараться унижить в этом городе!

– Не волнуйся, верь в свою мечту, и она сбудется, но помни, как мы жили раньше, – мне говорил отец и ломал дрова сухие, которые высохли на улице под навесом от снега и дождя.

– Ты ломаешь дрова, я сейчас пойду еще сырых напилю и принесу, – ответил я и стал снимать свою обувь.

– Этого хватит!

– Подумай, стоит ли тебе идти работать ради семейного благополучия с этой соседкой?

– Я подумаю! – ответил я и прошел в комнату площадью в 15 метров квадратных, в которой было два старых дивана, стоящих по разным сторонам у стен, и несколько стульев у стола стояли, словно стол нам пригодиться должен был в будущем времени.

Глава 4. Отвратительная работа

Прошло время в несколько месяцев, я продолжал работать рабочим без трудовой книжки на одном доме, деньги я зарабатывал тем, что мешал лопатой раствор и носил в ведрах больших для бригадира Геннадия и его знакомого штукатура, который был алкоголиком местным и не было у него семьи своей личной. Вот я добился немного уважения со стороны папы Тани и стал часто бывать у них дома в качестве гостя, сексом мы занимались редко, раз в неделю, и то когда папаша уезжал к своей жене в квартиру, которая была в Советском районе города.

В городе открылся филиал Московской академии правосудия в бывшем здании напротив строительного вуза, и мне отец моей девушки предложил пойти учиться на коммерческую оплату в группу юридического факультета, в которой придется учиться шесть лет, и потом можно работать юристом на зарплату в 15 тысяч рублей, а на стройке мне бы рабочему платили 3,5 тысячи рублей за физический труд и унижение молодых неопытных мастеров и рабочих, выпивающих по жизни.

Я не был доволен своей девушкой и ею обременен, поэтому после третьей зарплаты я поехал в Академию права, которую я так стал называть, она была расположена на правом берегу города рядом с неврологическим диспансером и администрацией Ленинского района, а рядом, в 500 метрах, был Ленинский отдел милиции района и недалеко «Петровские бани», в которых можно было попариться и снять комнату на час для выпивки в дружной компании.

С мобильного я позвонил человеку, чье имя было написано ручкой шариковой на бумажном клочке листа тетрадного в клеточку: Махоркин Лев Герасимович.

– Я буду вас обязательно ждать, – ответил он мне глухим невыразительным голосом, словно был простужен. – Деньги при вас за обучение?

Я думал, что приятное общение с умным, интеллигентным человеком меня возвысит среди двух личностей рядом со стройкой в поселке, в котором я работал с лопатой. После прогулки по улице зимой на тротуаре, на котором я упал из-за льда, который был после мороза не сбит дворником и не посыпан песком, я сильно разозлился в своем черном длинном до колен пуховике на пуговицах с капюшоном. Мне нужны были положительные эмоции, чтобы сбалансировать нервную систему.

Я надеялся, что в мудрой тишине преподавательской, среди многих студентов и известных преподавателей я почувствую себя почти в родной стихии и моя опустошенная душа вспыхнет жадой познания.

Академия располагалась в здании строительного учебного комбината в три этажа, рядом с которым была построена гимназия №1 для детей обеспеченных родителей. Много иномарок, принадлежащих, по всей видимости, некоторым студентам и преподавателям, создали проблему с проходом через дорогу с одного тротуара на другой. Пришлось мне толкнуть боковое зеркало случайно рукой, проходя мимо иномарки немецкой модели темного цвета с номерами государственными, буквы которых начинались на «О».

Я взял конверт без марок и вложил туда десять тысяч по сто рублей, это были три мои зарплаты на стройке с лопатой, и конверт заклеил слюной, спрятал его в пуховике в большом кармане, моя шапка была вязаная с небольшим бубенцом наверху и имела коричневый цвет с розовым оттенком. Ситуация меня наполнила сладким волнением, похожим на адреналин. Наверное, что-то подобное испытывают настоящие соискатели, когда несут взятку преподавателю заслуженному ради места под солнцем среди выбранных детей известных личностей.

Мне обидно, что девушка с отцом своим и рынок с палатками заставили меня пойти на стройку ради науки и познания юридического права. Все права гражданина начинаются с закона, а закон – это дело святое, чистое и благородное, и им нельзя заниматься между делом. Посвятить себя познанию в науке и отдать себя ей до конца, а потом открыть истину, которая

станет лицом опытного специалиста – вот что нужно для моего стремления, подумал я, когда стоял у входа в Академию перед порошками и голубым цветом стен здания с улицы.

С этими добрыми мыслями я поднялся по ступенькам и прошел через вход здания, внутри был вестибюль, наполненный шумными студентами, которые были на перемене между занятиями, я показал паспорт охраннику на проходе по коридору, который меня записал в журнал на его столе, и верхняя видеокамера полукруглая меня стала снимать, как и всех, кто там учится и ходит. Я прошел по новому паркету в коридоре. На втором этаже, на который я поднялся по ступенькам, я нашел дверь, пронумерованную числом 28, постучал и взялся за ручку, одежду я держал верхнюю в левой руке, а шапку положил в карман пуховика. Дверь была заперта.

Не успел я подумать, что это плохой знак второй раз за день (первый раз – когда я упал на ледяном тротуаре), как я услышал за спиной шаги. Обернувшись, я увидел высокого, немного сутулого, в черном костюме и белой рубашке без галстука, седого человека, который руки сгибал в локтях при ходьбе и шел напрямик ко мне, постукивая каблуками своих туфель коричневого цвета.

– Я Махоркин, – сказал он. – А вы звонили мне с целью поступления в вуз на платную основу?

Я кивнул и для убедительности показал ему карман пуховика, из которого достал белый конверт наполовину. Махоркин приближался медленно, потому что смотрел по коридору за мою спину, неторопливо и вдумчиво. Его прическа была густая над ушами из седых волос, а на макушке просвечивала благородная плешь работника умственного труда, но лицо не светилося проникновенной осведомленностью. Лицо было у Махоркина немного похожее на другую национальность, ближе к Узбекистану, он не имел на лице эмоции, его черные брови сильно мне запомнились. Он приблизился ко мне и остановился как вкопанный, его брюки были со стрелками, и худая фигура мне дала понять, что он много лет посвятил науке, которую любил.

Открыв ключом дверь, он взмахом руки пригласил меня зайти внутрь, быстро зашел следом за мной и запер двери на ключ.

– Присаживайтесь, – сказал он.

Это был не преподавательский кабинет. Может быть, это был архив с документами. От пола до потолка высились стеллажи с папками и книгами, несколько компьютеров стояли стационарных на столе, у которого мы сидели вдвоем, я присел на невысокий стул из нержавеющей стали и трубок под ним в виде ножек, а профессор сел в невысокое кресло со спинкой из кожи офисное, которое крутилось и было на колесиках.

– Показывайте, сколько вы принесли для обучения на подготовительных курсах, – сказал он.

Я протянул конверт белого цвета. Махоркин разорвал боковую сторону и правой рукой залез в конверт, чтобы достать всю пачку денег, которая была перевязана нитками белого цвета.

– А сколько тут?

– Я принес десять, как говорил мне Вячеслав Николаевич, – тихим голосом я ответил ему.

Мне стало стыдно. Как я могу от лица будущего тестя говорить с таким умным человеком, который меня должен спасти от безграмотности в этом городе торговом?

Махоркин как истинный преподаватель посмотрел на нитки и сказал:

– А что так все сложно, что белые нитки на пачке, вас этому будущий тесть научил?

– Нет, я сам подумал, чтобы не потерять, это за обучение сразу для вступительных экзаменов, и вы знаете про меня? – спросил волнуясь я.

– Я про тебя все знаю! – и положил пачку денег обратно в конверт преподаватель, а потом легким движением руки правой открыл в столе небольшую полку и махнул туда конверт лок-

тем, после задвинул полку медленно, продолжая смотреть на мой пуховик, который я держал перед столом в руках сидя.

– Тебе придется учиться на курсах в этом вузе у отдельного преподавателя, который поможет тебе сдать вступительные экзамены, – говорил он тихо и невнятно, словно самому себе. – Я поговорю с этим преподавателем о тебе и попрошу, чтобы в приемной комиссии я был на экзаменах, потом будешь на факультете юридического с уклоном на диплом по изучению уголовного права.

Я понял, что прозвучал намек: пора заявить о своих возможностях и намерениях.

– Ну что вы! – воскликнул я, в уме прикинул, что он меня берет под свое крыло для уголовного отдела местной милиции.

– Я очень даже рад, что твой тесть тебя к нам прислал, вот только тебе придется думать редко про семью, а чаще про изучение теории и законов для карьеры юриста. Ты готов это в этом кабинете мне подтвердить, чтобы я за тебя поручился? – ответил профессор юридических наук.

Глаза его стали бегать, черные, маленькие, но они смотрели выразительно редко с честностью на меня, скорее, на цель преследования.

– Поймите меня правильно, мне нужно получить юридическое образование в этом вузе! Я должен стать юристом, пусть я это образование сейчас не заслуживаю.

– Ты что? – не очень серьезно возмутился Махоркин. – Почему ты сразу так унижаешь себя? Может быть, это отличная работа – быть юристом в кругу знакомых города, востребованным для любых клиентов по рекомендации.

– Знаете, мне нужно быть им, потому что вся семья моей жены милиционеры, и она тоже учится в вузе!

– Меньше слов ты говори тут, – ответил мне профессор и улыбнулся в ответ.

– Хорошо, как скажете! – ответил я и стал смотреть по сторонам, пытаюсь рассмотреть маленькую видеокамеру нашей беседы.

Я оставил Махоркину номер своего мобильного телефона и поехал домой на автобусе с остановки, которая была недалеко от вуза юридического и строительного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.